

Дмитриева Елена Викторовна

ДАОССКИЕ МИНИАТЮРЫ В ПОЭЗИИ И. А. ФАЙНФЕЛЬДА

В статье анализируются даосские миниатюры в творчестве И. А. Файнфельда. Автор акцентирует внимание на том факте, что поэт обращается к основополагающим постулатам традиции, а именно о преодолении отождествления человека с эго и слиянии с Дао – источником всего сущего, высшим Принципом. По мнению автора, это слияние в определенной степени может быть передано через парадокс, который выражает метафизическую реализацию, а также служит объектом концентрации с целью такой реализации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 79-83. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

– можно говорить о том, что в композиции книги «Новые стансы к Августе» есть апеллятивный центр. Кульминацией центра является одноименное стихотворение «Новые стансы к Августе», однако оно не является текстом о любви, т.е. в центре книги любовной лирики в период ее наивысшей апелляции расположено стихотворение на тему одиночества, безумия. В этом, на наш взгляд, и выражается основная полемика Бродского с Байроном и его «Стансами к Августе».

Список литературы

1. **Бродский И. А.** Новые стансы к Августе (Стихи к М. Б., 1962-1982). США, Мичиган: Ардис, 1983. 72 с.
2. **Бродский И. А.** Стихотворения и поэмы: в 2-х т. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2011. Т. 1. 656 с.
3. **Левин Ю. И.** Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464-482.
4. **Макфадиев Д.** Бродский и байроновские «Стансы к Августе» // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. СПб.: Звезда, 1997. С. 161-166.
5. **Полухина В.** Больше самого себя. О Бродском. Томск: ИД СК-С, 2009. 416 с.
6. **Романова И. В.** Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения. Смоленск: СмолГУ, 2007. 236 с.

APPELLATIVE ORIENTATION DEGREE OF I. BRODSKY'S BOOK "NEW STANZAS TO AUGUSTA"

Dvoenko Yana Yur'evna
Smolensk State University
Vanilnaya_ya@list.ru

In the article the means of the inner appellative orientation creation of I. Brodsky's book "New Stanzas to Augusta" are considered, which is constructed according to "one addressee" principle. Thanks to I. V. Romanova's methodology of poems communicative types, the author of the article introduces the system of appellativeness indexes. This system provides new opportunities for large text arrays appellativeness research. In the book "New Stanzas to Augusta", in spite of obvious external communicative orientation (heading and dedication), communication mainly has an indirect character expressed in addressing form.

Key words and phrases: I. A. Brodsky; lyrics; lyric addressee; lyric communication; types of poems communicative orientation.

УДК 882

Филологические науки

В статье анализируются даосские миниатюры в творчестве И. А. Файнфельда. Автор акцентирует внимание на том факте, что поэт обращается к основополагающим постулатам традиции, а именно о преодолении отождествления человека с эго и слиянии с Дао – источником всего сущего, высшим Принципом. По мнению автора, это слияние в определенной степени может быть передано через парадокс, который выражает метафизическую реализацию, а также служит объектом концентрации с целью такой реализации.

Ключевые слова и фразы: миниатюра; даосизм; сознание; парадокс; бытие; тождественность.

Дмитриева Елена Викторовна

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
evdmitrieva2013@yandex.ru

ДАОССКИЕ МИНИАТЮРЫ В ПОЭЗИИ И. А. ФАЙНФЕЛЬДА[©]

Как известно, термин «поэтическая миниатюра» применяется к строго законченным поэтическим произведениям небольшого размера, с глубоким содержанием и отточенной формой. К поэзии И. А. Файнфельда мы обращались ранее, анализируя его дзэнские миниатюры [3]. В данной работе мы попытаемся проанализировать некоторые миниатюры, в которых в афористичной форме заключены основные концепты даосизма и касающиеся их мысли автора.

Вначале кратко напомним о самом даосизме. Основателем этого учения («Учения Пути») является Лао-цзы (род. в 604 г. до н.э.), автор «Дао дэ цзин» (Книга о Пути и его проявлениях [2]). Согласно Лао-цзы, изначальной причиной, источником всего сущего является Дао – высший Принцип. Его не создало никакое существо. Оно все и ничто, причина и следствие. Все предметы происходят из Дао, соответствуют Дао и под конец возвращаются в Дао. «Дао – больше, чем путь, это путь и путник вместе. Это вечная дорога, которую проходят все существа и предметы», – говорил Лао [Там же, с. 16].

В следующей миниатюре автор изображает Лао, осуществившего метафизическую реализацию, то есть полностью отождествившего себя с Дао.

Просветлен великим Дао,
 Меж времен проходит Лао,
 Нет различий между ними,
 Между мертвыми-живыми,
 Бродит в Дао, слитый с ним,
 Как небесное с земным [9].

В данной миниатюре мы сталкиваемся с парадоксом. Напомним, что в самом широком смысле парадокс понимается как высказывание, расходящееся с общепринятым мнением, предстающее нелогичным либо по содержанию, либо по форме. Своей стилизованной формой парадокс напоминает афоризм. Однако в парадоксе привычная истина рушится на глазах и даже высмеивается.

Выше приведенный парадокс поражает нас своей неожиданностью и нелогичностью. С одной стороны, Лао предстает конкретным человеком, а с другой стороны, это вечный Принцип – Дао. Однако поверхностная противоречивость исчезает, когда мы видим отождествление человека с Дао и, тем самым, преодоление пространственно-временных категорий и понятий «жизни» и «смерти», являющихся следствием обусловленного сознания. Для подтверждения высказанного выше приведем отдельные строки: «Просветлен великим Дао, // Меж времен проходит Лао, // Нет различий между ними...» [Там же]. Иными словами, данный парадокс требует выхода на более глубокий или более высокий уровень понимания. В результате такого опыта человек постигает свое предназначение, отождествляясь с метафизической реальностью. Отметим, что осознание фундаментальной тождественности индивидуального сознания с творческим принципом Вселенной (Дао), по мысли Шуона [10, с. 306], представляет одно из самых глубоких переживаний, доступных человеку.

В другой миниатюре поэт использует высказывания, не имеющие логического объяснения, то есть вновь прибегает к парадоксу. В строках проступает особая энергия единения, энергия «не-дуальности», преодолевающая дихотомию обусловленного сознания. В этом «сне вне сна» поэт в очередной раз слышит наставления Лао «без слов и вне земной реальности». Здесь молчание выступает как синоним высшей реальности – Дао.

Воспарил и слился с Дао,
 Мне вне сна приснился Лао,
 Вне реальности земной,
 Лао говорил со мной,
 Наставлял совсем без слов,
 Разорвал былой покров:
 – Коль желаешь стать собой,
 Центр небесный и земной
 Слей в самом себе в один,
 Вырви сердце из глубин,
 Проломись за явь, за сон,
 За всесилие времен
 Первосветом-первотьмой,
 Всетворящей тишиной...
 Мне о Дао говорил
 Посреди живых могил
 Юный старостью своей,
 Самый мудрый из людей [9]!

В двух последних строках поэт напоминает о самой парадоксальности личности Лао. Существует повесть, согласно которому, Лао существовал вне обычных временных границ. Он был стар уже при рождении, по этой причине его и назвали Лао-цзы, то есть «Старый сын – мастер» [2, с. 5].

При метафизической реализации Дао предстает лучезарным светом Вселенной, за который следует крепко держаться, не позволяя уйти. Далее для адепта не остается ничего, что не сияло бы в блистающем свете [6, с. 103]. Теперь адепт полностью един с Дао, которое непричастно ни к возникновению, ни к исчезновению.

В миниатюре «Дао» последнее предстает поэту в виде сокровенного и всеохватного света, света вне времени и пространства. Автор старается выразить свое виденье «сквозь завесу Вселенной», свой трансцендентальный опыт слияния с «сокровенным светом» Дао.

Дао
 Золотые лучи
 В золотое стило
 Я сложил и писал безвременье,
 Били света ключи,
 И светило взошло,
 Расплавляя бывшее неверье.
 Я стоял в глубине
 Светозарных глубин,
 Я взирал сквозь завесу Вселенной,
 И прозревшая память алмазных картин
 Раскрывала мне свет сокровенный [9]!

Человек, по представлениям даосов, – мельчайшая частица Дао. Он полностью тождествен общекосмическому устройству и должен следовать Дао – подавить желания и страсти и стремиться к высшему познанию, к победе над смертью, растворившись в бесконечном Дао. В следующей миниатюре поэт в виде афоризма пытается передать подобное ощущение, трансцендирующее такие основополагающие понятия, как первотьма, первосвет, бытие и небытие:

До первотьмы,
До первосвета
Восходим мы
Дорогой этой...
Туда где нету бытия.
Туда, где нет небытия [Там же].

Здесь поэт говорит о латентно присутствующей в каждом человеке трансцендентальной реальности, к проявлению которой, согласно даосизму, и должен стремиться ученик. Другими словами, мы видим основополагающий постулат традиции о тождественности бытия и сознания, то есть обретении Единства.

Дао состоит из двух принципов – ян и инь. Ян – теплота, свет, мужество. Инь – холод, мрак. Черный цвет символизирует инь, белый – ян. Противоположности составляют единое целое, дополняя друг друга и перетекая друг в друга. Эти два принципа вышли из высокой вершины, неподвижного центра неба. Из силы ян происходит шен – небесная часть человеческой души, а из силы инь происходит квей – земная часть души. Таким образом, человек как микрокосм соединяет пары противоположностей. В шутилом тоне передает поэт наставление Лао: «Яснее глянть! – кричит мне Лао, – вот инь и ян сливает Дао!» [Там же].

Небо, человек и земля – три основных элемента мира. Графически этот паттерн выражен в виде тай-цзи (символе Великого предела), магическом источнике всех путей, демонстрирующем изначальную двойственность всего сущего, непрерывный процесс, динамический баланс сил, где нет места статичному равновесию. «Это» одновременно есть «то». «То» одновременно есть «это». Обстоятельство, что «это» и «то» перестают быть противоположными, – основное содержание Дао. Вот как выражает данное положение И. А. Файнфельд: «Два Лица – земной и небесный // Сливаются в тающей бездне...» [Там же].

В одной из миниатюр поэт пытается наиболее полно выразить свое интуитивное восприятие и понимание даосизма, вновь прибегая к энергии парадокса, видимо, полагая невозможность использования иного литературного приема для этой цели.

Между тьмой и светом,
Между жизнью и смертью
Сквозь центр земли и неба,
В пустоте Дао, не двигаясь,
Бредет Лао,
Сны разрывая явью,
Старый юнец – юный мудрец,
Две тысячи лет вне времени
Небесный венец в землю внедряя,
Не-деянию и бессмертию учит Лао,
Раскрывая в нас небесное Дао [Там же].

В связи с понятием «не-деяния», которому «учит Лао» [2, с. 11], отметим, что любое изменение рассматривается в даосизме как проявление внутренне присущей всем вещам склонности изменяться. Движение Дао происходит естественно и спонтанно, и для даосов следует поступать в согласии с природой, спонтанно и естественно, в соответствии со своей истинной сущностью, интуитивно, не нарушая гармонии с окружающей средой.

«Дао не делает ничего, однако ничего не остается не сделанным», – писал Лао [Там же, с. 20]. Эти слова Лао нельзя понимать буквально, отмечает А. Уотс [7, с. 37], поскольку «не-деяние» («у-вэй») не должно отождествляться с вялостью, апатией, попустительством или обычной пассивностью; «у-вэй» – стиль жизни того, кто следует Дао. Этот стиль жизни рассматривается, прежде всего, как знание принципов, структур и тенденций развития внешнего и внутреннего мира настолько хорошо, что во всех жизненных ситуациях человек затрачивает минимум усилий.

«Когда вы приносите в свою жизнь у-вэй, – говорит Симпкинс, – все становится проще и естественней. Кажется, что все случается само собой» [5, с. 76].

Важнейшей даосской медитацией был переход от окружности «космического колеса» к его центру (непроявленному, «соединяющему спицы и делающего из них колесо») и сосредоточение в этом пустом центре [4, с. 39]. При этом адепт находится в центре вещей в полном союзе с Дао или в полной пустоте, то есть в отрешении от всех проявленных вещей, ускользя тем самым от «чередования потока форм», «жизни» и «смерти». Это точка «Неизменного средоточия», совершенного равновесия, где примиряются и разрешаются все противоположности, где происходит синтез всех элементов рассудочной оппозиции и где непосредственно проявляется «действие Неба», когда все состояния бытия, рассматриваемые в их принципе, совершенно одновременно существуют в вечном настоящем. Вот как пытается передать эту трансцендентальную, запредельную реальность Файнфельд: «И время с пространством // В единственной точке сливалось // И видел я бездну вне всяких пространств и времен...», «По ту сторону света // По ту сторону тьмы...», «До первотьмы // До первосвета // Восходим мы // Дорогой этой...» [9].

Этот непроявленный центр, метафизический Ноль, или «Небытие», символизируемое «пустотой», управляет всеми посредством своего «не-деятельного действия» (вэй-ву-вэй). При этом дух становится поистине творцом, лишь поднимаясь над дуальностью путем выхода из нее, преодолевая прежде всего оппозицию истина-заблуждение.

Целостность своего восприятия и понимания сущности даосизма поэт пытается передать в миниатюре «Даос», где несколько парадоксов организованы в цельную миниатюру. Мы видим единую реальность вне конкретных понятий или нейтрализующих друг друга контрастных понятий («я белая тень своего бытия» – данная фигура речи, как и другие, указывает, видимо, что природа данного состояния духовна и непроницаема и поэтому не может быть описана надлежащим образом).

Даос

Я тонуший в памяти высохших рек,
Отлившийся в бездну земной человек.

Я белая тень своего бытия,
Из Дао рождается воля моя.

Молчанием Лао свой образ творит,
И Дао устами его говорит.

В молчашее слово я тихо вхожу,
Глубины-вершины свои нахожу.

Смертельный поток всерождения дней,
Я сам отражение тени своей [8, с. 59].

Р. Генон [1, с. 92-104] указывает, что в даосизме существует реализация в виде «истинного человека», то есть человека, вернувшегося в «первозданное состояние», идеал которого отрешенность, «деяние посредством недеяния» (выразительный, основополагающий парадокс даосизма, уже упоминаемый нами). Однако над ступенью «истинного человека» (чэнь-жэнь) находится «трансцендентный человек» (чэнь-жэнь), полностью преодолевший человеческую ограниченность и обусловленность и достигший полноты реализации, то есть «Высшего Отождествления». Это истинный «посредник», «Универсальный Человек». В нем союз «Неба» и «Земли» полностью осуществлен в результате синтеза всех состояний. Поэт пытается передать через парадокс динамический путь, ведущий к такой реализации:

Посредник

Вверх и вниз по первосвету
Голова моя скользит,
И различий больше нету,
Свет молчаньем говорит,
Тишина вещает светом
Нерожденные слова,
Вверх и вниз скользя по свету,
Растворилась голова [9].

Здесь мы вновь прочитываем главную идею: преодоление субъект-объектной двойственности сознания и слияние с Дао, то есть полное тождество бытия и сознания, без всякой посреднической дистанции. Вот как выражает поэт цельность, живое тождество с единой истиной Дао:

Есть Истина!
Она одна,
Невыразимая словами,
Она самой себе видна,
Когда мы ею стали сами [Там же].

Таким образом, мы сталкиваемся с хорошо известным основополагающим концептом даосизма, указывающим на ограниченность рационального мышления, над которым преобладает интуитивная, над-рациональная мудрость. Проще говоря, рассудок не в состоянии постичь Дао. Приведенные нами миниатюры достаточно ярко иллюстрируют мудрость и актуальность главных постулатов этой древнейшей системы, к которой в наше время возрастает интерес во многих странах.

По нашему мнению, избранный автором в качестве литературного приема парадокс, органично вписанный в ткань миниатюры, (подчеркнем, что парадокс правомочен только в сфере относительного, обусловленного сознания), наиболее удачно выражает, по сути, невыразимую любыми дискретными формами цельность даосской традиции, ее метафизическую основу. Иначе говоря, на золотую середину – Дао – можно лишь указать. И язык парадокса делает это, по нашему мнению, достаточно удачно, выражая подлинное состояние покоя сквозь поверхностную противоречивость понятий, одновременную активность и пассивность, полную открытость. Ум должен быть успокоен, а весь душевный мир открыт воздействию Дао.

Индивидуальность при этом не теряется, растворяется только ее жесткий, заскорузлый кокон. Здесь следует подчеркнуть важнейшую двойную функцию парадокса, с одной стороны, выражающего метафизическую реализацию адепта, а с другой стороны, несущего психотехническую и когнитивную функции, служащие указующей вехой и объектом концентрации ученика с целью такой реализации.

Сквозь глубины своего сознания, мобилизуя в полной мере творческое воображение и интуицию, И. А. Файнфельд пытается поэтически осмыслить одну из древнейших и сложнейших традиций. Поэт старается преодолеть ограниченность обыденного сознания и интуитивно выразить в форме миниатюры, главным стержнем которой является парадокс, подлинную свободу, свободу Дао. Речь идет о проявленном состоянии бытия и его непроявленном принципе, об индивидуальном и универсальном «я», которые неразрывно связаны между собой в единое целое.

Список литературы

1. **Генон Р.** Очерки о традиции и метафизике / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 320 с.
2. **Дао: гармония мира.** Харьков: Фолио, 2000. 859 с.
3. **Дмитриева Е. В.** Дзенские миниатюры в поэзии И. А. Файнфельда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. 1. С. 62-65.
4. **Завадская Е. В.** Мудрое вдохновение (МИ-ФУ, 1052-1107) / гл. ред. вост. лит. М.: Наука, 1983. 118 с.
5. **Симпкинс С. А.** Дао за 10 уроков (Александр Симпкинс, Аннелен Симпкинс) / пер. с англ. О. Е. Жуйковой. М.: АСТ Астрель, 2006. 158 с.
6. **Торчинов Е. А.** Даосские практики / пер. Е. А. Торчинова. Изд-е 2-е. М.: СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.
7. **Уотс А.** Путь дзэн / пер. с англ. Киев: София, 1993. 180 с.
8. **Файнфельд И. А.** Рука, сжимающая бездну: книга стихов. М.: Компания Спутник +, 2008. 96 с.
9. **Файнфельд Игорь:** официальный сайт. URL: <http://fainfeld.ru/> (дата обращения: 08.11.2013).
10. **Шуон Ф.** Очевидность и тайна. М.: Номос, 2007. 384 с.

DAO MINIATURES IN I. A. FAINFELD'S POETRY

Dmitrieva Elena Viktorovna

*Priamurye State University named after Sholem Aleichem
evdmitrieva2013@yandex.ru*

In the article Dao miniatures in I. A. Fainfeld's creative work are analyzed. The author focuses her attention on the fact that the poet refers to tradition basic postulates, namely about the overcoming of the person's identification with ego and union with Dao – the Highest Principle, which is the source of existence. To the author's mind this union in a definite degree can be shown through paradox that expresses metaphysical realization and serves as a concentration object for such realization.

Key words and phrase: miniature; Daoism; consciousness; paradox; objective reality; identity.

УДК 808

Филологические науки

В статье даётся анализ стихотворений, посвященных великому тюркскому поэту Назиму Хикмету уже после его смерти, а также рассматривается влияние его поэзии на азербайджанскую поэзию. Стихи, посвященные Назиму Хикмету начиная с 60-х годов прошлого века, имеют большое значение как для художественного осмысления многогранного творчества поэта, так и для создания образа Назима Хикмета в мире литературы. По причине этого были отобраны и изучены самые характерные поэтические сочинения, посвященные Назиму Хикмету, его образ проанализирован в контексте современной, исторической и поэтической значимости. В статье наряду с поэтами, лично знавшими поэта, также говорится и о поэтах, никогда его не видевших, но создавших поэтические сочинения, опираясь на существующий образ Назима Хикмета.

Ключевые слова и фразы: Назим Хикмет; поэзия Азербайджана; тюркская поэзия; Расул Рза; Вагиф Самед оглы; белый стих (свободная рифма); динамика художественного образа.

Исламлы Агиль Забиль оглы

*Сумгаитский государственный университет, Азербайджан
Aida092007@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ПОЭЗИИ НАЗИМА ХИКМЕТА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКУЮ ПОЭЗИЮ®

После смерти великого тюркского поэта Назима Хикмета наряду с научными трудами о нем стали создаваться и посвященные ему поэтические сочинения. Собрав их все вместе и внимательно просмотрев, можно